

Научная статья

УДК 398.5 (=511.1)

DOI 10.17223/18137083/77/2

**Несказочная проза юганских хантов
в материалах экспедиций Института филологии СО РАН**

Константин Андреевич Сагалаев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Аннотация

Статья посвящена проблеме бытования жанров несказочной прозы – быличек, мифологических рассказов, космогонических и этиологических мифов, шаманских легенд, в фольклоре современных юганских хантов. Материалом для статьи послужили тексты, записанные автором в экспедициях на реки Малый и Большой Юган в 2013 и 2019 гг. Вводятся в научный оборот неопубликованные тексты, производится их текстологический и типологический анализ, проводятся параллели с уже опубликованными фольклорными текстами и научной литературой на данную тему. Делается вывод об относительно высокой степени сохранности данных жанров на Югане и перспективности их дальнейшего сбора, изучения и публикации.

Ключевые слова

несказочная проза, былички, мифологические рассказы, шаманские легенды, современное состояние

Для цитирования

Сагалаев К. А. Несказочная проза юганских хантов в материалах экспедиций Института филологии СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–36. DOI 10.17223/18137083/77/2

**Non-fairy prose of the Yugan Khanty
in field materials of the Institute of Philology SB RAS**

Konstantin A. Sagalaev

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Abstract

The paper deals with the existence of non-fairy prose genres, such as mythological stories, cosmogonic and etiological myths, shamanic legends, in the folklore of the modern Yugan Khanty. The Yugan Khanty have largely preserved their traditional culture and, in particular,

© Сагалаев К. А., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–36

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 24–36

folklore. The research materials are the texts recorded by the author during the expeditions to the Maly and Bolshoy Yugan rivers in 2013 and 2019. Five texts were studied representing the current state of the folklore genres under study in this local ethnic group of Khanty. These are mythological stories about dreams, their possible interpretations and ritual practices associated with them, about fighting forest fires with the help of “home fire,” shamanic legends about shaman’s help with illness or other problems, the legend about a monster living in a lake. These previously unpublished texts are introduced into scientific circulation, with their textual and typological analysis carried out and parallels with already published folklore texts and scientific literature on this topic drawn. The paper presents the motives of the recorded cosmogonic and etiological myths about the waterfowl that provided the land for people and the origin of a bear. The definition of what is meant by non-fairy prose is given. A conclusion is made about the relatively high degree of preservation of these genres in Yugan, and the possibility for them to be further collected, studied, and published is discussed.

Keywords

non-fairy prose, mythological stories, shamanic legends, current state

For citation

Sagalaeв K. A. The non-fairy prose of the Yugan Khants in the materials of the expeditions of the Institute of Philology SB RAS. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 24–36. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/2

Ханты, населяющие бассейны рек Большой и Малый Юган в Сургутском районе ХМАО, до настоящего времени сохраняют свою материальную и (большая их часть) духовную культуру – фольклор и традиционную обрядность¹. В ходе фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиций 2013 и 2019 гг.² помимо обрядов почитания семейных духов-покровителей и языкового материала нами были записаны сказки, песни, наигрыши на *нарс-юхе* и *тумране*, сведения об обрядовой культуре: о традиции проведения медвежьего праздника на Югане, погребальной и свадебной обрядности, рассказы о шаманах. Значительное место среди зафиксированных текстов занимают произведения сказочной прозы; рассмотрению наиболее интересных, с нашей точки зрения, образцов мы и посвятим настоящую статью. Вслед за Е. М. Мелетинским и Е. С. Новик под сказочной прозой мы будем понимать повествования, к которым носители традиции относятся как к достоверным сообщениям: «Речь, таким образом, идет о противопоставлении достоверность / вымысел, или, как уточняет Е. М. Мелетинский, абсолютная (строгая) / относительная (не строгая) достоверность»³. Все публикуемые тексты являют собой рассказы информантов на русском языке со вставками хантыйских слов (например, в тех случаях, когда рассказчик затруднялся вспомнить русское слово), в некоторых случаях по нашей просьбе рассказ был повторен на хантыйском языке.

Первый текст был записан в 2013 г. в юртах Киняминых и может быть отнесен к жанру мифологического рассказа. По словам исполнительницы, ей часто снился сон, в котором за ней гнались лошади и хотели ее затоптать. Последующие собы-

¹ Подробнее о нынешней фольклорной и религиозной ситуации на Югане см. [Сагалаев, 2020].

² Экспедиция в Сургутский район ХМАО, работа 18.09.2013 – 03.10.2013 в с. Угут и ю. Киняминых; экспедиция в Сургутский район ХМАО, работа 07.08. 2019 – 27.08. 2019 в с. Угут, ю. Ачимовых, ю. Каюковых.

³ Новик Е. С. К типологии жанров сказочной прозы Сибири и Дальнего Востока. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.htm> (дата обращения 23.09.2021).

тия – авария на реке, травмы ее и сына – были восприняты именно в контексте этих снов.

...Юльке три годика, Артемке два годика было. И мы в Угуте были, и Егор в больнице лежал, и тут выписались. <...> Мы собрались, всё, от Угута поехали. На втором ли, на третьем, на четвертом песке – у нас всё, мотор сломался. Мотор сломался – мы вернулись обратно в Угут. В Угут вернулись – берем у зятя «Вихрь», другой мотор. Берем, ставим другой мотор, поехали – у нас опять на пятом песке мотор ломается. Мы опять вернулись в Угут. Мы опять там у кого-то еще взяли мотор. Поехали опять, на третий раз поехали. На третий раз едем, едем... ну, мы выехали. <...> Рвемся, вот надо ехать. И мы ехали-ехали, тут ниже Генки... Где вы вчера были у Гены, ниже Гены там еще одни юрты были. Чуть выше этих юрт просто едем... И в один миг... Что с нами случилось – мы просто оказались на суше. Вот шлюпка на суше, просто стоит на суше. Вроде мы ехали, и всё – в один миг мы вырубались, и все куда-то... Меня Егор-то, чувствую, он меня колотит, колотит: «Очухайся, очухайся!» А я кричу: «Едем, едем!» Вон едут, вон едут, говорю. Он такой: «Куда едешь, говорит, смотри, мы на суше!» А я не могу очухаться. Он меня колотит. «Очухайся, – говорит, – сын весь в крови!» Когда он сказал, что сын весь в крови, тогда вот я резко очухалась. Я смотрю, мы на суше стоим, шлюпка на суше. Я на сына так глянула, на Артемку, а у Артемки ухо вот так висит. Полностью сорвало ухо, на мочке вот тут висит. Я ему это ухо – вжух обратно, с себя платок, вот так вот стянула, обернула его, обратно поставила. И поехали обратно. Он говорит: давай шлюпку выталкивать. Шлюпку вытолкнули, он говорит: куда едем, домой? – Куда домой, – говорю, – он же кровью истекает, поехали в ЛЗУ⁴. На устье у нас поселок там, Малый Юган. Поехали туда, – говорю, санавиацию надо. И вот вернулись мы туда. Обратно в юрты приехали, там взяла бинт, бинтом его обмотала всего, фурацилиновую воду сделала, обмотала, перевязала. Приехали в ЛЗУ, и нас в два часа ночи вывезли. И зашили ухо ему. А вот потом думаем: что с нами случилось? Там ни коряги не было, ничего не было, раз – и что-то вот с нами... Главное все... И вот Егор тоже говорит – я вот очухался, вы все лежите. Я тоже без сознания лежала, он тоже без сознания лежал. Но я ушиблась грудью, у меня переломы тут, ушиб сильный был, и чуть-чуть вот тут трещина. Сын ухо порвал, доча тоже куда-то ушиблась, у нее на пол-лица прямо синяк был. Гематома была сильная, синее лицо. А потом вот постепенно – ладно, это всё было... А потом сестра моя старшая говорит: это вас, говорит, мол, лошадь пнула. Ну что Иисус Христос, он же как бы по легенде на коне же скачет. И вот, что вас, говорит, лошадь пнула. А мы потом подумали, подумали: а может, действительно? Потом отец мой тоже говорит: У вас серьезное дело, говорит. А у нас выше вот этих юрт лабаз есть. Там в лабазе Ляв имен-ики. У Сурломкиных. Ляв – это лошадь. Что вам необходимо туда сходить. <...> Это во вторых Сурломкиных уже. Одни первые Сурломкины, другие вторые Сурломкины. Но там сейчас уже никто не живет, там дед последний умер, там заброшено. И лабаз забросили. И вот нам необходимо было туда сходить. <...> Там приносишь тоже материал, платок, и делаешь как... Вот у лошади же как называется... Вот пояс, который на

⁴ Лесозаготовительный участок.

седло обвешиваешь... И вот вышиваешь из бисера такой длины ленточку... Сантиметров тридцать-сорок. И вот его красиво бисером вышиваешь, любые узоры. И приносишь. Просто вот это всё преподнесли, стол, продукты... Стол накрывали. Ну и с тех пор – слава богу... А раньше я девчонкой была и замуж вышла. И мне постоянно в снах снилось, что лошади меня гоняют, гоняют, без конца. Во сне лошади гоняют меня. В школе училась – ну с детства всё время: лошади, лошади. Прямо хотят меня растоптать, догоняют. И вот мы это всё сделали, и с тех пор, слава Богу... Всё нормально.⁵

Обращает на себя внимание смешение образов Христа и главного всадника в обско-угорском пантеоне – Мир Вантэ Хо («Мужчина, осматривающий мир», он же Ас Тый Ики, он же Альвали), у манси он носит имя Мир-Сусне-Хум: «В верованиях и обрядовой поэзии он рисуется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков, это “царь идущих облаков”. Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ставить серебряные тарелочки; по этому элементу образ Мир-сусне-хума связывают с соляным культом» [Мифы..., 1990, с. 18]. В системе традиционного мировоззрения хантов и манси он занимает одно из ключевых мест и почитается всеми независимо от различий в локальных культурных традициях. Его символическое изображение украшает жертвенные покрывала, шлемы и пояса; функции его важны и разнообразны: «это покровитель каждого человека с момента появления его на свет, а также покровитель семьи; опекун тех, кто живет в соответствии с нормами и правилами человеческого общежития; арбитр между домашними духами-покровителями и людьми. К нему обращались с просьбой о защите или об излечении болезни. Небесный всадник наделялся еще и функцией надзора за духами, которые считались предками-покровителями селений» [Федорова, 2017, с. 28]. Естественно, столь значительная фигура могла ассоциироваться лишь с не менее важными в христианской традиции (ср.: «Под влиянием христианства Мир-сусне-хума стали отождествлять с Николаем-чудотворцем или Христом» [Мифы..., 1990, с. 19]; «Иисус Христос ассоциировался у них с младшим сыном Нуми-Торума – Мир-суснэ-хумом, светлым солнечным божеством, посредником между Средним и Верхним мирами» [Косарев, 1991, с. 183]). Подобные параллели не являются чем-то необычным и вполне свойственны обско-угорскому мировосприятию: аналогии между православными святыми и хантыйскими божествами и духами – способ воспринять пришлую веру, не теряя при этом исконную. В научной литературе для обозначения подобного мирного сосуществования исконных верований и воспринятой новой религии существуют термины «двоеверие», «синкретизм» и т. д. (см. [Главацкая, 2009, с. 37]). Поэтому хотя формально причиной произошедшего была лошадь, на которой ездит Христос, для исправления ситуации информанты не пошли в православный храм (он есть в Угутае), а обратились к помощи *Ляв имену-ики* – духа, сочетающего в себе и мужское, и женское начала, – «Лошади, муж и жена». Изваяние этого духа является частью сакрального места юрт Сурломкиных, в материалах экспедиций студии «Визан» (Томск) лабаз носит название *Таумх-Ики (Анки)*⁶.

⁵ ПМА, запись 29.09.2013.

⁶ Это название можно встретить в слайд-фильме А. Н. Михалева «Сакральные места хантов», хранящемся в архивах студии «Визан» и ТРОУ «Энциклопедия Сибири» (Томск).

Лошадь – *Лйэ* – как неизменный атрибут, спутник и помощник Небесного всадника также является объектом особого отношения. Именно лошадь служила жертвенным животным для него, при этом «ожидали прибытия на церемонию самого Небесного всадника. Чтобы конь бога не касался грешной земли, для его копыт заранее ставили четыре серебряных блюда, а на спину укладывали ритуальные “седло”, пояс, халат, колчан и шлем: в богатырском одеянии на жертвенном коне Вэрт⁷ был готов вознестись на небо» [Бауло, 2000, с. 133]. О быстроте этого коня говорят, что он «облетает землю с такой скоростью, с какой сгорает пленка на бересте» [Мифология хантов, 2000, с. 163]. В мифологии манси благодаря своим многим необычным способностям конь Небесного всадника имеет множество эпитетов: «*сат товлул лув* ‘семикрылая лошадь’; *кер лув* ‘железная лошадь’; *луве хайтнэ тул нум палын лапыс, миннэ тул нум палын лапыс* ‘лошадь его поднялась выше бегущих облаков, выше идущих облаков’» [Партанов, 2014, с. 100].

Наверно, во всех культурах сны имеют то или иное отношение к миру сакрального; в них человек может заглянуть туда, куда наяву ему путь заказан, через них «кто-то» посылает ему некую информацию, правильно интерпретировав которую и отреагировав должным образом, можно что-то исправить в своей и не только своей жизни (о шаманах, помогающих людям на основе своих сновидений, поговорим отдельно). Толкование снов тесно связано с традиционным мировоззрением народа: «...носителями традиционной культуры сны расшифровываются в контексте представлений данной этнической группы. Любые образы (в том числе не принадлежащие данной культуре), любые действия в сновидениях подводятся под те или иные общие знаменатели, которые взяты из общего поля традиционного мировоззрения» [Молданова, 2006, с. 38]. Анализируя образ лошади в сновидениях, Т. А. Молданова приходит к выводу, что в целом увидеть во сне лошадь для хантов – это хороший знак. В то же время сны эти, как правило, тревожные: «Если обратиться к зафиксированным сновидениям, то бросается в глаза, что это животное чаще всего снится в виде необузданной, стихийной силы. <...> Сны женщин с образом лошади показывают, что их отношение к этому животному иное. Во всех сновидениях они испытывают единственное чувство – страх перед мчащимся возбужденным конем» [Молданова, 2001, с. 178–179]. Именно такой страх описывала и наша рассказчица. В сновидениях хантов Т. А. Молданова выделяет два архетипа – архетип Матери и архетип Духа [Там же, с. 266]. Образ Человека на коне автор относит ко второй категории архетипов, он является во сне, «когда необходимо принять важное решение или когда сновидец нарушил нормы поведения» [Там же, с. 274]. В женских же снах «конь символизирует мужскую энергию, в силу чего он является атрибутом мужских божеств на конях. Это дух, поднимающийся над материей (Матерью)» [Там же]. Таким образом, можно предположить, что и лошади, которых исполнительница видела в своих снах, и ее действия, предпринятые, чтобы нормализовать ситуацию и достичь гармонии в отношении с *сакральным* (какое бы имя оно ни носило), находятся в рамках традиционной хантыйской культуры и подтверждают живучесть как глубинных архетипов, так и связанных с ними ритуальных практик.

Рассказы о различных подводных чудовищах, живущих, как правило, в озерах, нападающих на людей, животных и птиц и переворачивающих лодки, можно обнаружить у разных народов в самых разных уголках земного шара. В Сибири –

⁷ Одно из имен Небесного всадника в хантыйском пантеоне.

как в Западной, так и в Восточной – это существо в разговоре по-русски обычно называется мамонтом и часто выступает персонажем быличек – коротких историй о встрече человека с чем-то или кем-то сверхъестественным. Есть разные версии его происхождения: как правило, в него превращается старая щука, но бывает, что и собака, заяц или лось: «Жители Васюганья представляли себе мамонта страшным подземным чудовищем, которое в начале жизни имело облик лося, а с наступлением старости теряло зубы и рога, переселялось под землю или воду и там перерождалось и видоизменялось. При этом рога у него отрастали вновь, но уже не ветвистые, а прямые» [Иванов, 1949, с. 136]. Ассоциации с мамонтом связаны, как принято считать, с бивнями, время от времени появляющимися в обвалах на берегах рек и принимаемыми местными (в том числе хантами) за рога неведомого чудовища. Из того факта, что никто мамонта на земле не встречал, следовал вывод, что живет он под водой или под землей. Ему присущи некоторые функции, в основном регламентирующие свойства. «Существо это следит за поведением человека на воде, – нарушающих правила наказывает тем, что переворачивает лодки. *Вес* – существо бессмертное; оно и не рождается, в него превращаются старая щука, собака и заяц. Указанием на подобное превращение является образование на лбу старой щуки своеобразных утолщений, рытье собакой земли перед смертью» [Мифология хантов, 2000, с. 118]. В. М. Кулемзин сообщает, что «местами обитания этого чудовища считались незамерзающие зимой участки рек и места, куда не садилась перелетная водоплавающая птица. Ханты полагали, что вода не замерзает благодаря исходящему от *Вес* теплу, а птица избегает посадки в такие места из-за боязни быть им съеденной» [2004, с. 30]. В 2013 г. в с. Угут нами была записана быличка о чудовище в Киняминоме озере. В 2019 г. к ней были добавлены уточнения и комментарии от рассказчицы, и текст был опубликован (см. [Три мудрых совета, 2020, с. 22–23]), здесь же мы приведем его изначальный вариант.

Не то рыба, не то... Ну рыба, какая-то огромная рыба, она... чешуйки или не чешуйки, но на лягушку чем-то похожа. И вот по старой легенде – бабушка рассказала, что однажды кто-то как будто наблюдал, видел. Рыбак поехал на середину озера, и вот эта огромная рыбина его схватила – и под воду. Ну, съела, наверно. И поэтому говорят: на середину Киняминского озера никогда нельзя ездить. А тетя говорит: у этого чудовища еще детеныши. По большой воде они туда во Вторые Угутские [юрты], на озеро большое плавают. И несколько лет назад тут с Угута ездили муж с женой и сетки ставили. Сетку ставили, они рассказывали, что лед начал трещать, греметь... Вот они испугались, вещи свои собрали, быстренько сели на свой «Бурани» и уехали. И больше они туда никогда не ездили. Киняминское – это тут, рядом. А во Вторых Угутских, это где мы жили, там мы на озеро ездим. До сих пор мы там. Ездим с мужем на рыбалку. Ну просто, может быть, чужие туда приезжали, поэтому пугает...⁸

Подобный рассказ на Югане был записан и Н. В. Лукиной: «<...> В одну зиму, местный дед говорил, зимний лед раскалывает *вэс* на части. Я говорю: “Зачем раскалывает?” – Он говорит: “*Вэс* там есть”. Я сперва не верил. В одну зиму там жили, тоже там шум, грохот пошел. Я часто там проходил. На следующий день пошел – лед раздолбленный <...>» [2009–2010, с. 128]. По одной из версий, лед

⁸ ПМА, запись 27.09.2013.

ломается от того, что чудовища дерутся между собой: «Здесь фигурировали, с одной стороны, громадные рогатые жуки, обросшие шерстью, с другой – подземные рогатые животные, затевавшие иногда между собою такую борьбу, что лед в озерах ломался со страшным треском» [Иванов, 1949, с. 137]. Рассказы о мамонте опубликованы и в сборнике «Мифы, предания, сказки хантов и манси» (тексты № 58 и 59) [Мифы..., 1990, с. 182], есть мотивы с ним и в каталоге Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина⁹ (мотив В11В «Утонувший мамонт»).

Среди сюжетов космогонических и этиологических мифов, записанных нами на Югане, упомянем повсеместно распространенный сюжет про птицу Лулы, доставшую с глубины для людей землю (при этом у нее самой от давления покраснели глаза); про медведя и кедровку, которая пожалела для него орехи, была им проклята и с тех пор очень худая; известный сюжет о спуске медведя с неба на землю. Согласно данному мифу, изначально медведь был создан Богом очень большим. После того, как он поел почти всех людей на земле, он был призван на небо для ответа за свои злодеяния. В наказание он был сброшен с неба обратно на землю, при падении угодил в раздвоенный ствол кедра и погиб. Из больших червей, которые падали из его туши на землю, получились современные медведи, а из червей поменьше – россомахи.

Аналогичный сюжет мы встречаем в уже упомянутом сборнике «Мифы...» (текст № 23), с той разницей, что из больших червей «вырастали медведи с длинными хвостами – большие таежные медведи, а из маленьких червей – маленькие северные медведи без хвостов» [Мифы..., 1990, с. 80]. Отметим, что нам не удалось записать ни одного варианта мифа о шести- или восьминогом лосе, за которым гнался охотник (а Млечный путь – это его след); предположим, что это связано с незнанием данного сюжета конкретными информантами, с которыми велась работа, вывода об утрате его на Югане мы делать не станем.

Тексты, связанные с лесными пожарами и огнем в целом, можно также отнести к жанру мифологического рассказа. В традиционных культурах отношение к огню всегда было особым; он представлялся в виде живого существа и наделялся теми или иными человеческими качествами: «Он мог работать и отдыхать, принимать подарки (как правило, миниатюрное женское платье красного цвета), принимать пищу, наказывать, выборочно относиться к людям (некоторые якобы могли даже стоять в огне) и т. д.» [Кулемзин, 1984, с. 56].

У хантов огонь ассоциировался с женским началом, его хозяйка – Най ими (или Най анки), с ней связаны многие запреты и поведенческие установки. Почитание Най ими, поднесение ей красного халата – *сака* – неотъемлемая часть многих обрядов почитания как семейных и родовых духов-покровителей, так и божеств более высокого ранга. От отношения Най ими к человеку напрямую зависело благополучие семьи, достаток в доме и безопасность. Т. В. Волдина отмечает: «Считается, что у богини огня две стороны. Когда она находится лицом к человеку, то оберегает и защищает его, когда же поворачивается спиной, то это грозит несчастьями. Бедственный стихийный огонь мог причинить безмерные страдания, погубить не одну человеческую жизнь. Опасаясь этого, люди молили богиню огня поворачиваться к ним только лицом» [2016, с. 84]. Лесной огонь, появившийся, например, от удара молнии, был бедствием, способным уничтожить

⁹ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 09.09.2021).

и сами юрты, и охотничьи уголья. Одним из способов борьбы с ним был встречный пал, который можно рассматривать как с профанной, так и с сакральной точки зрения. А. А. Рудь описывает технологию управляемого пожара, устраиваемого с целью локализовать пожар стихийный: «На территории бора, охваченного пожаром, находят узкий участок, ограниченный водой (озеро, старица, влажное болото). Здесь делают разрыв шириной 0,5–1 м: снимают ягель вместе с дерновым слоем до песка или глины. От линии разрыва навстречу неуправляемому лесному пожару по ветру пускают пал. Одновременно ведут наблюдение за тем, чтобы искусственный пожар не перекинулся за линию разграничения огня, а также засыпают песком или проливают водой небольшие очаги возгорания» [2018, с. 130]. Далее он же приводит сделанное А. П. Зенько в 1989 г. описание способа борьбы с **лесным** огнем с помощью огня **домашнего**: «...он возникал, как правило, от молнии, поэтому юганские ханты называли его *Пай-най* – “Грозовой огонь”. Победить его можно было с помощью домашнего огня, т. е. встречным палом. Пуская встречный огонь, в жертву *Най-анки* приносили миниатюрный красный *сах* и просили защитить людей от чужого огня» [Там же]. Правильное или неправильное определение причины появления лесного огня – от молнии или вследствие человеческого фактора – могло в итоге повлиять и на результат всего мероприятия: «Если лесной пожар происходил от молнии (*Торум тут*, т. е. божий огонь), то навстречу ему посылали домашний огонь. В результате борьбы побеждал домашний, но если пожар возникал не от молнии, то оба огня объединялись и возвращались в юрты, откуда был пущен домашний огонь» [Кулемзин, 1984, с. 57]. Приведенный ниже текст, записанный также в юртах Ачимовых в 2019 г., как раз иллюстрирует такой способ борьбы с лесным пожаром.

Вот, допустим, при пожаре, когда тайга горит, тоже делали *са́ж* (‘шуба, халат’) – *Най са́ж* (букв.: огонь халат), и тут же молились. И, допустим, когда обращаются при молитве, говорят: «Нас мало человек». Ну, два-три человека там. *Мэң вөв энтэ йёхэтл* (букв.: наша сила не приходит), то есть «У нас сил не хватает». Я к вам обращаюсь, потому что у нас сил не хватает, давай, нам помоги. И при обращении *түвэт най лапэт ыалэм ай ыалэм тэхе ал йёвантыла* (букв.: огненный огонь, семь языков огня один язык пусть сюда придет), семьязыковый огонь, семь языков огня один язык пусть сюда придет), семьязыковый огонь, то пусть один язык в нашу сторону обратится и услышит нас. И этот халат поджигают, от халата идет огонь. Вот здесь таким же макаром тушили, мы втроем были, а на расстоянии километр с этой стороны полосой. И огонь когда от халата загорелся, пошел стеной туда, а тот-то огонь, *вөнт най* (букв.: лес огонь), таежный огонь, он идет сверху. Дед Мазай¹⁰ говорит – это тесть покойный – вначале смотрите, чей огонь выше будет. Вот огонь в лесу идет, перед ним ставят этот халатик. Красного цвета уже. И вот здесь, в данном случае, огонь сверху идет с горы. Дед Мазай говорит: «Смотрите, чей огонь победит». Чьи выше языки пламени будут, тот и победит. Я говорю: «Ну естественно, тот огонь с горы идет, он, конечно, наш задавит сразу!». Он же сверху идет. Тяга-то вверх идет, говорю. Ну и ладно, огонь подходит, подходит. А тут пламя-то высокое такое. Наш огонь стелется. Вниз ложится, на колени как бы. Ну, думаю, всё, щас юрты все сгорят. И подходит когда, метра два-три остается, наш огонь вспыхивает, языки пламени выше этого огня, и получает-

¹⁰ Прозвище Сергея Асманова.

ся, что тот огонь на спину как бы ложится, этот давит. Дед Мазай говорит: «А всё, – говорит, – пошли отсюда»¹¹.

Несколькими текстами представлен в материалах экспедиций жанр шаманской легенды. Здесь следует сказать о том, что обско-угорский шаманизм существенно отличается, например, от тунгусского, бурят-монгольского, тувинского. Далеко не все лица, могущие быть отнесенными к категории шаманов, имели хотя бы какие-то ритуальные атрибуты; у кого-то мог быть бубен или используемый в тех же сакральных целях *наркас-юх*, но «полного ритуального костюма, в отличие от большинства народов Сибири, в традиционной культуре хантов и манчи не было» [Мифология хантов, 2000, с. 145]. Эта внешняя неразвитость позволила в свое время К. Ф. Карьялайнену говорить о деградации и разложении шаманства у обских угров; впрочем, позднейшие исследователи, такие как В. Н. Чернецов, З. П. Соколова и В. М. Кулемзин, опровергают данную точку зрения. Различные категории шаманов выполняли разные функции: излечение больных, гадание (например, во сне) о причинах тех или иных проблем в жизни человека, поиск вариантов их решения. Во сне либо в трансе шаман встречался с нужными духами и божествами, выполняя свойственную ему функцию посредника. Как раз о таких случаях повествуют записанные нами в 2019 г. в юртах Ачимовых два небольших текста.

Вот недавно... Ну как недавно, в пятидесятые годы было, отец с дядей Мишей, они... Неудача была на охоте. Соболя стреляют, не попадают. Чуть друг друга не пристрелили из-за этого соболя, бежал между ними. Тут Алексей Иванович, по-моему, был старик. Он здесь проходил, проездом был, и заночевал. И бабушка моя попросила его – мол, ты [пошамань]. Ну и ладно. Они с дедом выпили по стаканчику-другому, спать легли, всё нормально. Утром встал он, ничего не говорит. Чай попил, бабушка его ничего не спрашивает. Чай попил, оделся, обулся, вышел, ехать собрался, и в самый последний момент говорит бабушке: «Пусть, – говорит, – еще попробует дед». Бабушка хлебушка напекла и отнесла им, говорит, что так и так, Алексей сказал, чтобы вы еще попробовали. Они пошли так же на охоту, добыли соболя, второго соболя, на другой день опять же по соболю там добыли, потом пошли в разные стороны, разошлись. И вечером приходят – по два соболя уже. И вот потом уже, когда они встретились, Алексей сказал причину. Сделать там жертвоприношение. То есть это может быть чей-то наговор, либо дух в обиде на него или на них.

<...>

Вот даже Николай – я уже не помню отчество – дед был, Саши Арантеева дедушка, он шаманил в темноте. Двери закрывали. И он в темноте... В темном доме шаманил. И вот он, мать у меня... Где-то шестьдесят шестой, шестьдесят седьмой год был. Мать сильно болела, мы были на тринадцатом песке, там бригада стояла, отец рыбу ловил. А лето было такое жаркое... И у нас палаточки стояли, в ряд. И этот дедушка, у него был сарайчик такой из бересты, и он там жил с бабушкой своей. А этот дедушка – он уже старый такой был, седой дедушка. И вот матушка заболела, тяжело болела, а тогда же как было: врачам не доверяли. Врачи могли заколоть, да и всё. И отец попросил этого дедушку пошаманить. И он вначале отка-

¹¹ ПМА, запись 15.08.2019.

зывался, и потом, как бы сказать... Человек, прежде чем вступить в дело... Он медитировал. То есть он заранее взвешивал, сможет он помочь, или нет. Если ответ ему пришел, он сразу говорил – я не могу. <...> А вот насчет матери – да, отец попросил его, он вначале отказывался, потом пришел. И там специальные ритуальные песенки такие, он пел, пел, потом доходил до такого места, где он находил причину болезни. Он, по-моему, даже использовал то ли бубен, то ли что, резко прыгает и кричит. И мать говорит: «Я, – говорит, – аж подлетела, и из меня что-то вылетело, вышло как бы. Такое ощущение, – говорит, – что из меня что-то вышло». И всё, с этого момента она пошла на поправку, и через два дня она уже ходила¹².

Из категорий выполнявших религиозные функции лиц, выделяемых В. М. Кулемзиным у хантов [Кулемзин, 2004, с. 44–95], упомянутый в первом тексте Алексей Иванович более всего соответствует разряду *улом-верта-ку* – человека, способного разгадывать значение снов. В коллективной монографии «Мифология хантов» носитель аналогичных способностей именуется *улем-ку* – «человек-сон»: они «объясняли настоящее, прошлое и предсказывали будущее по увиденному сну, во время которого они якобы общались с различными божествами или духами-хозяевами: лесным, водяным, семейным и т. д. Утром такой сновидец-предсказатель советовал обратившемуся к нему, какую жертву, какому божеству и в какое место следует принести, чтобы обеспечить себя удачей, здоровьем, удачей в самое ближайшее время» [Мифология хантов, 2000, с. 89]. Предсказатели, относившиеся к категории *улом-верта-ку*, не имели особой одежды и ритуальных атрибутов, их действия не предполагали какого-либо вознаграждения. В. М. Кулемзин сообщает, что «духи, с которыми толкователи снов “вступали в отношения”, были “привязаны” к месту своего обитания. В некоторых местах, в частности на Югане, толкователи снов занимались и “знахарством”. <...> Как правило, *улом-верта-ку* не соприкасались с больным, а лишь после соответствующего жертвоприношения указывали срок его выздоровления или смерти» [Кулемзин, 1985, с. 136]. Отметим, что в основном шаманами-сновидцами являлись пожилые женщины, однако в нашем случае это был пожилой мужчина.

Шамана, о котором идет речь во втором тексте, возможно, следует отнести к категории *арэхта-ку* – певцов-предсказателей; в их функции часто входило и излечение людей. Шаман этого разряда свои задачи – путешествие к духам, общение с ними, помощь больному – выполнял не во сне, а в трансе; ритуальным музыкальным инструментом ему служил, как правило, *нарс-юх*. Поскольку информант не уверен, пользовался ли дедушка Николай именно бубном или чем-то другим, позволим себе предположить, что это был *нарс-юх*, так как, по данным Н. В. Лукиной, шаманских бубнов (*куин*) на Югане не было [2009–2010, с. 156–158].

Подводя итоги, отметим, что до сих пор на Большом и Малом Югане такие жанры сказочной прозы, как мифологические рассказы, былички, шаманские легенды, находятся в живом бытовании, что может служить косвенным свидетельством относительно благополучной фольклорной ситуации в данном районе. Дальнейшая фиксация, изучение и публикация новых полевых материалов представляются нам перспективными и необходимыми для более точного представления о современном состоянии культуры этой самобытной локальной этнической группы.

¹² Оба текста – ПМА, запись 15.08.2019.

Список литературы

- Бауло А. В.* Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 132–144.
- Волдина Т. В.* Огонь как связующее и трансформирующее начало и вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угров // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 83–89.
- Главацкая Е. М.* «Мы не можем без попа...» // Родина. 2009. № 1. С. 33–37.
- Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник музея антропологии и этнографии. М.;Л., 1949. Т. 11. С. 133–154.
- Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.: илл.
- Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
- Кулемзин В. М.* Сверхъестественные существа и шаманы в представлениях восточных хантов // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск: Наука, 1985. С. 134–137.
- Кулемзин В. М.* О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.: ил.
- Лукина Н. В.* Ханты от Васюганья до Заполярья // Источники по этнографии. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009–2010. Т. 3: Юган. 296 с.
- Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова; науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. 3)
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хант., манс., нем. яз.; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с. (Сказки и мифы народов Востока)
- Молданова Т. А.* Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 351 с.
- Молданова Т. А.* Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38–47.
- Партанов Н. К.* Лошади земные и небесные в культуре обских угров // Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск, 2014. С. 95–101.
- Рудь А. А.* Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137.
- Сагалаев К. А.* Обряды почитания семейных духов-покровителей у юганских хантов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4. С. 120–127.
- Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной (на сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык) / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова); Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.
- Фёдорова Е. Г.* Лошадь в истории, культуре и мировоззрении обских угров. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 40 с.

References

- Baulo A. V. Nebesnyy vsadnik (zhertvennyye pokryvala severnykh khantov) [Heavenly horseman (sacrificial veils of the northern Khants)]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2000, no. 3, pp. 132–144.

Fedorova E. G. *Loshad' v istorii, kul'ture i mirovozzrenii obskikh ugrov* [A horse in the history, culture and worldview of the Ob Ugrians]. Khanty-Mansiysk, Tomsk, TSU Publ., 2017, 40 p.

Glavatskaya E. M. "My ne mozhem bez popa..." ["We cannot be without a priest..."]. *Rodina*. 2009, no. 1, pp. 33–37.

Ivanov S. V. Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the art of the peoples of Siberia]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 11, pp. 133–154.

Kosarev M. F. *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda* [The Ancient History of Western Siberia: Man and the natural environment]. Moscow, Nauka, 1991, 302 p.

Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khants]. Tomsk, TSU Publ., 1984, 192 p.

Kulemzin V. M., Lukina N. V., Moldanov T. A., Moldanova T. A. *Mifologiya khantov* [Mythology of the Khants]. V. V. Napol'skikh (Sci. Ed.). Tomsk, 2000, 310 p. (Entsiklopediya ural'skikh mifologiy [Encyclopedia of Ural Mythologies]. Vol. 3).

Kulemzin V. M. *O khantyyskikh shamanakh* [About Khanty shamans]. Tartu, ELM, 2004, 210 p.

Kulemzin V. M. Sverkh'estestvennyye sushchestva i shamany v predstavleniyakh vostochnykh khantov [Supernatural beings and shamans in the representations of the Eastern Khants]. In: *Uralo-altaistika (Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk)* [Ural-Altistics (Archeology. Ethnography. Language)]. Novosibirsk, Nauka, 1985, pp. 134–137.

Lukina N. V. Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya [Khanty of the regions from Vasyugan to polar region]. In: *Istochniki po etnografii* [Sources on ethnography]. Tomsk, TSPU Publ., 2009–2010, vol. 3: Yugan, 296 p.

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khants and Mansi]. N. V. Lukina (Transl. from Khanty, Mansi, and German, Comp., Preface and Notes), E. S. Novik (Ed.). Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and Myths of the Peoples of the East])

Moldanova T. A. *Arkhetipy v mire snovideniy khantov* [Archetypes in the dream world of the Khants]. Tomsk, TSU Publ., 2001, 351 p.

Moldanova T. A. Snovideniya v kul'ture khantov [Dreams in the culture of the Khants]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006, no. 6, pp. 38–47.

Partanov N. K. Loshadi zemnye i nebesnye v kul'ture obskikh ugrov [Horses of the earth and heaven in the culture of the Ob Ugrians]. In: *Problemy i perspektivy etnokul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Problems and prospects of ethnocultural and socio-economic development of the indigenous small-numbered peoples of the North. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Ob-Ugric Institute of applied researches and development. Khanty-Mansiysk, 2014, pp. 95–101.

Rud' A. A. Pozhary v kul'ture vostochnykh khantov: sovremennyye aspekty [Fires in the culture of the Eastern Khants: modern aspects]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2018, no. 2 (41), pp. 128–137.

Sagalaev K. A. Obryady pochitaniya semeynykh dukhov-pokroviteley u yuganskikh khantov [Rites of veneration of family patron spirits among the Yugan Khants]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 4, pp. 120–127.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy (na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk) [Three wise tips: fairy tales of

Polina Judovna Nyglomkina (in the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian)]. A. S. Sopochina (Pesikova) (Ed. in Ch.). Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Voldina T. V. Ogon' kak svyazuyushchee i transformiruyushchee nachalo i voda kak simvol zhizni i smerti v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov [Fire as a binding and transforming principle and water as a symbol of life and death in the traditional culture of the Ob Ugrians]. *Finno-Ugric world*. 2016, no. 2, pp. 83–89.

Информация об авторе

Константин Андреевич Сагалаев, младший научный сотрудник

Information about the author

Konstantin A. Sagalaev, Junior Researcher